

Путешествия

ля

зо времени

вс

История

Джеймс Глик

Джеймс Глик

**Путешествия во
времени. История**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2016

УДК 115.4:91
ББК 22.313

Глик Д.

Путешествия во времени. История / Д. Глик — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2016

Джеймс Глик, американский журналист и автор научно-популярных книг, исследует идею путешествий во времени и связанные с ней научные концепции и парадоксы. Он рассказывает, как она возникла и как развивалась – в науке и культуре – и как менялось само восприятие времени. Он показывает, что эта идея прочно вошла в современную культуру и присутствует и в современной физике, и в художественной литературе, и в искусстве. Книга будет интересна всем путешественникам во времени. На русском языке публикуется впервые.

УДК 115.4:91
ББК 22.313

© Глик Д., 2016
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2016

Содержание

1. Машина	6
2. Конец века	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джеймс Глик

Путешествия во времени. История

Научный редактор Азат Гизатулин

Издано с разрешения автора при содействии InkWell Management LLC и Synopsis Literary Agency

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2016 by James Gleick. This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2018

* * *

Посвящается Бет, Донен и Гарри

Твое «сейчас» — это не мое «сейчас»; твоё «потом» — не мое «потом»; но мое «сейчас» может оказаться твоим «потом», и наоборот. Чья голова способна разобраться в подобных вещах?

Чарльз Лэм (1817)

Тот факт, что мы занимаем все большее место во времени, ощущает каждый.

Марсель Пруст (1922)

И завтра

Приходит. Таков мир. Таков наш удел.

Уистен Хью Оден (1936)

1. Машина

В молодости я скептически относился к будущему и видел в нем один только потенциал, некое положение вещей, которое может возникнуть, а может и не возникнуть, – и, вероятно, никогда не наступит.

Джон Бэнвилл¹ (2012)

Человек стоит в конце продуваемого насквозь коридора, известного также как XIX век, и в мерцающем свете масляной лампы рассматривает какую-то машину из никеля и слоновой кости с латунными поручнями и кварцевыми переключателями – приземистое уродливое сооружение, к тому же немного не в фокусе. Несчастному читателю трудно представить его себе, несмотря на длинный список частей и материалов. Наш герой что-то делает с машиной, подкручивает какие-то винты, подливает немного масла, садится в седло и обеими руками хватается за какой-то рычаг. Он отправляется в путешествие. И мы с вами, кстати говоря, тоже. Когда он поворачивает рычаг, время срывается с якорей.

Сам человек выглядит неопределенно, он почти лишен каких бы то ни было черт. Серые глаза и бледное лицо – вот, пожалуй, и все, что мы знаем о его внешности. У него нет даже имени. Это просто Путешественник во Времени («будем называть его так»). *Время и путешествие*: до сих пор никто не додумался соединить эти слова. А машина? Учитывая седло и ручки, это какой-то велосипед в фантастическом антураже. Все вместе – изобретение молодого энтузиаста по фамилии Уэллс, который подписался инициалами, Г. Д., потому что считает, что это выглядит солиднее, чем имя Герберт. Родные зовут его Бerti. Он пытается стать писателем. Это современный до мозга костей человек, он верит в социализм, свободную любовь и велосипеды². Гордый член туристического клуба велосипедистов, он разбегается по долине Темзы вверх и вниз на сорокафунтовом аппарате с трубчатой рамой и пневматическими шинами, наслаждаясь процессом управления этой замечательной машиной: «Воспоминание о движении еще какое-то время живет в мышцах твоих ног, так и кажется, что они продолжают крутить педали». В какой-то момент он видит в газете рекламу хитроумного приспособления под названием «домашний велосипед Хакера»: это стационарная стойка с резиновыми колесами, позволяющая человеку крутить педали для тренировки и никуда при этом не ехать. То есть никуда не ехать в пространстве. Колеса крутятся, время идет.

На горизонте маячило начало XX века – календарная дата, вызывавшая апокалиптические ожидания. Альберт Эйнштейн еще только учился в мюнхенской гимназии. Еще оставалось время до 1908 г., когда немецкий математик польского происхождения Герман Минковский³ озвучил свою радикальную идею: «Начиная с настоящего момента пространство само по себе и время само по себе обречены растаять до состояния теней, и только союз этих двух сущностей сохранит какую-то независимую реальность». Герберт Уэллс пришел к этой идее

¹ Уильям Джон Бэнвилл (р. 1945) – ирландский писатель. Лауреат Букеровской премии (2005), премии принцессы Астурийской (2014). *Прим. ред.*

² Свободную любовь он определяет как «освобождение индивидуального сексуального поведения от общественного осуждения, а также от юридического контроля и наказания». И он «неустанно практиковал ее», как написал позже Дэвид Лодж.

³ Герман Минковский (1864–1909) – немецкий математик и физик, автор геометрической теории чисел, пространства Минковского и геометрической четырехмерной модели теории относительности, кроме того, занимавшийся математической физикой, преимущественно в области электричества, а также вопросами гидродинамики и теории капиллярности. *Прим. ред.*

первым, но, в отличие от Минковского, не пытался объяснить все на свете. Он просто хотел придумать сколь-нибудь правдоподобный сюжетный ход для фантастического рассказа.

Сегодня мы умеем путешествовать во времени легко и прекрасно – в мечтах и в произведениях искусства. Это путешествие ощущается нами как старая литературная традиция, корни которой уходят в древнюю мифологию. Нам кажется, что эта традиция стара, как боги и драконы. Это не так. Хотя древние придумали бессмертие, перерождение и земли мертвых, машина времени была выше их понимания. Путешествие во времени – фантазия новой эры. Когда Уэллс в своей комнате, освещенной масляной лампой, изобрел машину времени, он изобрел вместе с ней и новый образ мыслей.

Почему не раньше? Почему именно теперь?

Путешественник во Времени начинает свое повествование с ученой лекции. Или это просто болтовня? Он собирает друзей в гостиной у камина, чтобы объяснить, что все, что они знают о времени, не соответствует истине. Его друзья – характерные типы из кастингового агентства: Доктор, Психолог, Редактор, Журналист, Молчаливый Гость, Очень Молодой Человек и Провинциальный Мэр, а также всеобщий любимец-простак, «рыжеволосый Филби, большой спорщик».

«Прошу вас слушать меня внимательно, – инструктирует Путешественник во Времени этих персонажей. – Мне придется опровергнуть несколько общепринятых представлений. Например, геометрия, которой вас обучали в школах, построена на недоразумении...» Школьная геометрия – геометрия Евклида – имеет три измерения, те, что мы видим: длину, ширину и высоту.

Естественно, слушатели в сомнениях. Путешественник во Времени продолжает поучать по-сократовски⁴. Он бьет их логикой. Они слабо сопротивляются.

– Вы, без сомнения, знаете, что математическая линия, линия без толщины, воображаема и реально не существует. Учили вас этому? Вы знаете, что не существует также и математической плоскости. Все это чистые абстракции.

– Совершенно верно, – подтвердил Психолог.

– Но ведь точно так же не имеет реального существования и куб, обладающий только длиной, шириной и высотой...

– С этим я не могу согласиться, – заявил Филби. – Без сомнения, твердые тела существуют. А все существующие предметы...

– Так думает большинство людей. Но подождите минуту. Может ли существовать *вневременной* куб?

– Не понимаю вас, – сказал Филби [как и положено по роли].

– Можно ли признать действительно существующим кубом то, что не существует ни единого мгновения?

Филби задумался.

– А из этого следует, – продолжал Путешественник во Времени, – что каждое реальное тело должно обладать *четырьмя* измерениями: оно должно иметь длину, ширину, высоту и продолжительность существования.

Ага! Четвертое измерение! Некоторые особенно умные математики на континенте уже поговаривали, что три евклидовы измерения – не все, что существует на свете, и не конец игры. Были уже Август Мебиус, чья знаменитая лента⁵ представляла собой двумерную

⁴ Сократ разработал метод ведения споров, известный как майевтика: с помощью наводящих вопросов в ходе беседы можно извлечь скрытые знания, имеющиеся у человека, либо убедить собеседника в его неправоте. *Прим. науч. ред.*

⁵ Лента Мебиуса – лента, концы которой склеены крест-накрест; при движении по внутренней стороне ленты вы переходите на внешнюю поверхность и наоборот, то есть вообще лента имеет только одну поверхность. *Прим. науч. ред.*

поверхность, перекрученную в третьем измерении, и Феликс Клейн, чья бутылка⁶ с петлями намекала на четвертое измерение. Были уже Гаусс, Риман и Лобачевский, мыслившие, что называется, нестандартно, вне рамок. Для геометров четвертое измерение представляло собой неизвестное направление, перпендикулярное (ортогональное) всем трем известным. Может ли кто-нибудь представить себе это? Что это за направление? Даже в XVII веке английский математик Джон Уоллес называл их «чудищем в природе, менее вероятным, чем какая-нибудь химера или кентавр». Однако математики находили чем дальше, тем больше применений для концепций, лишенных физического смысла. Они играли свои партии в абстрактном мире, не беспокоясь, что те, возможно, не описывают никаких свойств реальности.

Под влиянием этих геометров школьный учитель Эдвин Эбботт Эбботт⁷ в 1884 г. опубликовал небольшой фантастический роман «Флатландия: роман о многих измерениях» (Flatland: A Romance of Many Dimensions), в котором двумерные существа пытаются осмыслить своими двумерными мозгами возможность существования третьего измерения. А в 1888 г. Чарльз Говард Хинтон⁸, зять логика Джорджа Буля, придумал для четырехмерного аналога куба слово «тессеракт». Четырехмерное пространство, заключенное в этот объект, он назвал гиперобъемом и населил гиперобъем гиперконусами, гиперпирамидами и гиперсферами. Свою книгу, посвященную всему этому, Хинтон без лишней скромности озаглавил «Новая эра в мышлении» (A New Era of Thought). Он предположил, что это загадочное, не-вполне-видимое четвертое измерение может помочь нам разгадать тайну сознания. «На самом деле мы, должно быть, четырехмерные создания, иначе не могли бы думать о четырех измерениях», – рассуждал он. Чтобы создавать мысленные образы мира и себя самих, мы должны обладать особыми молекулами мозга: «Не исключено, что эти молекулы обладают способностью четырехмерного движения, что они могут совершать четырехмерные движения и образовывать четырехмерные структуры».

Некоторое время в Викторианской Англии четвертое измерение служило своеобразным клише, убежищем для всего загадочного, невиданного, духовного – для всего, что, казалось, все время маячило где-то на краю поля зрения. Рай вполне может находиться в четвертом измерении. В конце концов, наверху астрономы со своими телескопами его не видят. Четвертое измерение служило тайным убежищем всем фантазерам и оккультистам. «Мы стоим на пороге Четвертого Измерения; вот что это такое!» – заявил в 1893 г. скандальный журналист Уильям Сидд⁹, служивший редактором в Pall Mall Gazette. Он объяснил, что все это можно выразить математическими формулами и представить себе («если у вас живое воображение»), но невозможно реально увидеть – по крайней мере, невозможно «для смертного». Это место, «отблески которого мы видим время от времени в тех явлениях, что совершенно не объяснимы никакими законами трехмерного пространства». К примеру, ясновидение. И телепатия. Свой отчет он подал в Физическое исследовательское общество для дальнейшего изучения. Девятнадцать лет спустя он поднялся на борт «Титаника» и утонул в море.

⁶ Бутылка хитрой конструкции, в которую нельзя налить жидкость: она будет выливаться, не заполняя бутылку, поскольку внутренняя поверхность одновременно и внешняя. *Прим. науч. ред.*

⁷ Эдвин Эбботт Эбботт (1838–1926) – английский теолог и писатель. Член Британской академии. *Прим. ред.*

⁸ Чарльз Говард Хинтон (1880–1907) – английский математик, автор ряда научно-фантастических работ под названием «Научные романы» (Scientific Romances). Наибольшую известность получил как автор публикаций о четвертом измерении. *Прим. ред.*

⁹ Уильям Томас Сидд (William Thomas Stead, 1849–1912) – британский журналист, публицист, общественный деятель, эсперантист. Первым начал борьбу против детской проституции, пропагандировал принцип «мир через арбитраж», вероятный претендент на Нобелевскую премию мира 1912 г., а также один из пионеров журналистских расследований. *Прим. ред.*

По сравнению с ним Уэллс выглядит таким трезвомыслящим, таким простым. Никакой мистики, четвертое измерение – это не мир теней. Это не рай, но это и не ад. Это время.

Что такое время? Не что иное, как еще одно направление, ортогональное к остальным. Только и всего. Просто никто до сих пор не сумел этого понять – до Путешественника во Времени. «Вследствие прирожденной ограниченности нашего ума... мы склонны не замечать этого, – хладнокровно объясняет он. – *Нет никакой разницы между временем и любым из трех измерений пространства, за исключением того, что именно вдоль него движется наше сознание*».

Через удивительно короткое время этому представлению о времени суждено было стать общепринятым и классикой теоретической физики.

Откуда взялась эта идея? Как говорится, что-то витало в воздухе. Много позже Уэллс пытался вспомнить:

Во Вселенной, в которой мой мозг обитал в 1879 г., не было никакой чепухи насчет того, что время – это пространство или что-то в этом духе. Было три измерения, вверх и вниз, вперед и назад, вправо и влево, и я ни разу не слышал о каком бы то ни было четвертом измерении до 1884 г. или около того. Да и тогда я принял это за шутку.

Очень остроумно. Люди XIX века иногда, как это свойственно людям, задавались вопросом: «Что такое время?» Вопрос этот возникает у человека в самых разных ситуациях и контекстах. Скажем, вы хотите рассказать детям о Библии. Процитируем Educational Magazine за 1835 г.:

Стих 1. Вначале сотворил Бог небо и землю.

Что ты имеешь в виду, когда говоришь «начало»? *Начало времени*. – Но что такое время? *Отмеренная порция вечности*.

Но ведь каждый знает, что такое время. Это было правдой в те времена, это правда и сегодня. Но правда и то, что никто не знает, что такое время. Блаженный Августин сформулировал этот псевдопарадокс в IV веке, и с тех пор все его цитируют, намеренно или сами того не замечая:

Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю¹⁰.

Исаак Ньютон упомянул в начале своих «Начал»¹¹, что каждый знает, что такое время, но затем продолжил рассказ, который изменил то, что знали все. Современный физик Шон Кэрролл (большой шутник) говорит: «Каждый знает, что такое время. Это то, что мы узнаем, глядя на часы». Он говорит также: «Время – это ярлычок, который мы наклеиваем на различные моменты жизни окружающего мира». Физики, вообще, любят наклеивать ярлыки. Рассказывают, что Джон Арчибальд Уилер¹² сказал: «Время – это способ, при помощи которого природа не позволяет всем событиям происходить одновременно», но известно, что Вуди Аллен тоже это сказал, а Уилер признавался, что нашел эту надпись в тейхасском мужском туалете¹³.

¹⁰ Quid est ergo tempus? Si nemo ex me quaerat, scio; si quaerenti explicare velim, nescio.

¹¹ Имеются в виду «Математические начала натуральной философии». *Прим. науч. ред.*

¹² Джон Арчибальд Уилер (1911–2008) – американский физик-теоретик, член Национальной академии наук США. Президент Американского физического общества. *Прим. ред.*

¹³ Еще на несколько десятков лет раньше писатель-фантаст Рэй Каммингс вложил эти слова в уста героя, которого называли Большим Бизнесменом, в романе 1922 г. «Девушка из золотого атома». Позже Сьюзен Зонтаг сказала (цитируя старую шутку, придуманную, как мне всегда казалось, каким-то студентом-философом): «Время существует для того, чтобы все

Ричард Фейнман¹⁴ скаламбурил: «Время – это то, что происходит, когда больше ничего не происходит. – И продолжил: – Возможно, было бы неплохо, если бы мы смирились с тем фактом, что время – одна из тех вещей, которые мы, вероятно, не можем определить (дать определение, как в словаре), и просто сказали бы, что время – это то, что мы и так знаем: то, сколько нам приходится ждать».

Когда Августин размышлял о времени, единственное, в чем он был уверен, – то, что время – это не пространство. «И однако, Господи, мы понимаем, что такое промежутки времени, сравниваем их между собой и говорим, что одни длиннее, а другие короче». Мы *измеряем* время, говорил он, хотя часов у него не было. «Мы измеряем время, только пока оно идет, так как, измеряя, мы это чувствуем. Но кто может измерить прошлое, которого уже нет, или будущее, которого еще нет?» Невозможно измерить то, чего еще нет, считал Августин, как и то, что уже ушло.

Во многих – но не во всех – культурах люди говорят о прошлом как о том, что находится позади них, тогда как будущее всегда впереди. И зрительно они представляют его себе так же. «Забывая о том, что остается позади, и весь устремляясь к тому, что впереди, я спешу к цели», – говорит апостол Павел. Представлять будущее или прошлое как некое «место» уже означает заниматься сравнением. Есть ли во времени разные «места», как в пространстве? Сказать «да» означает утверждать, что время *похоже* на пространство. «Прошлое – как чужая страна: там все делают не так». Будущее тоже. Если время – это четвертое измерение, то это потому, что оно *похоже* на остальные три: его можно представить себе в виде прямой; его протяженность можно измерить. Тем не менее в других отношениях время *не похоже* на пространство. Четвертое измерение отличается от трех остальных. Там все делают иначе.

Кажется естественным воспринимать время как нечто пространствоподобное. К этому подталкивают и языковые особенности. Слов у нас не так уж много. Слова *до* и *после* вынужденно исполняют двойную функцию, служа предлогами как пространства, так и времени. «Время – это иллюзия движения», – сказал Томас Гоббс¹⁵ в 1655 г. Чтобы отмерять время, считать его, «мы используем то или иное движение, как движение Солнца, или часов, или песка в песочных часах». Ньютон считал, что время абсолютно не похоже на пространство – в конце концов, пространство *остается всегда недвижимым*, тогда как *время течет равномерно, не обращая внимания ни на что внешнее, и иначе еще называется продолжительностью*, – но его математика порождала неизбежную аналогию между временем и пространством. Их можно использовать как оси на графике. К XIX веку философы, особенно немецкие, стремились получить хоть какой-нибудь сплав времени и пространства. Артур Шопенгауэр писал в 1813 г.: «В одном только времени все *следует одно за другим*, в одном только пространстве все располагается *бок о бок*. Соответственно, только при совмещении пространства и времени возникает представление сосуществования». Время как измерение начинает потихоньку проглядывать в тумане. Математики его уже видят, да и техника посодействовала. Для любого, кто видел, как поезд ломится сквозь пространство по заранее согласованному расписанию – согласованному при помощи электрического телеграфа, побеждающего само время, – время оживало, становилось конкретным и пространственным.

не происходило одновременно, а пространство – для того, чтобы не все из этого происходило с вами». *Здесь и далее, если не указано иное, прим. автора.*

¹⁴ Ричард Филлипс Фейнман (1918–1988) – американский физик, один из основателей квантовой электродинамики. Во время Второй мировой войны участвовал в разработке атомной бомбы. Создал метод интегрирования по траекториям и метод диаграмм Фейнмана, с помощью которых можно объяснить превращение элементарных частиц. Также предложил партонную модель нуклона, теорию квантованных вихрей. В 1965 г. совместно с Дж. Швингером и С. Томонагой получил Нобелевскую премию по физике. *Прим. ред.*

¹⁵ Томас Гоббс (1588–1679) – английский философ-материалист, один из основателей теории общественного договора и теории государственного суверенитета. Известен идеями, получившими распространение в таких дисциплинах, как этика, теология, физика, геометрия и история. *Прим. ред.*

«Может показаться странным “сплавлять” время и пространство», – писала газета *Dublin Review*.

Так что уэллсовский Путешественник во Времени может говорить с полным убеждением: «Ученые отлично знают, что время – только особый вид пространства. Вот перед вами самая обычная диаграмма, кривая погоды. Линия, по которой я веду пальцем, показывает колебания барометра... Но также несомненно, что колебания ртути в нем абсолютно точно определяются нашей линией, и отсюда мы должны заключить, что такая линия была проведена в четвертом измерении – во времени».

В новом столетии все казалось новым; физики и философы смотрели на время, которое часто писали с заглавной буквы, новыми глазами. Через 25 лет после «Машины времени» представитель нового реализма философ Сэмюэл Александер¹⁶ сформулировал это так:

Если бы меня попросили назвать самую характерную черту мысли последних 25 лет, мне следовало бы ответить: открытие Времени. Я не имею в виду, что до сего дня мы не были знакомы со Временем. Я имею в виду, что мы только недавно начали в наших рассуждениях воспринимать Время всерьез и понимать, что Время так или иначе есть важнейшая составляющая состояния вещей.

Что такое время? Машина времени, возможно, поможет нам это понять.

Уэллс не читал Шопенгауэра, да и философские размышления были не в его стиле. Его идеи относительно времени подпитывались Лайелем¹⁷ и Дарвином, которые сумели прочистить погребенные геологические пласты, запечатлевшие в себе эпохи Земли и эпохи жизни. Он изучал зоологию и геологию, когда учился за казенный счет в педагогическом училище (на учителя физики) и Королевском горнотехническом училище, и эти предметы побудили его рассматривать мировую историю как бы с большой высоты – вместе с забытыми эпохами, как постепенно разворачивающуюся панораму, «некрупные цивилизации, основанные на пешем передвижении и конной тяге, а также ручном производстве, достигли вершины в XVII–XVIII вв.; тогда благодаря механическим изобретениям изменился темп и масштаб жизни». Геологическое время, внезапно расширившись до невероятных размеров, разрушило прежнее ощущение исторического времени, в котором убедительно рассказывалось, что миру шесть тысяч лет. Очень уж сильно различались масштабы. История человечества терялась на этом фоне.

«Земля, какие перемены / Видала ты! – писал Теннисон. – Холмы лишь тени, формы зыбки / И все непрочно...» Не так давно появилась новая наука под названием археология – грабители могил и охотники за сокровищами на службе познания. Археологи, раскапывая, извлекали на свет божий погребенную историю. В Ниневии, в Помпеях, в Трое вскрывали гробницы; прошлые цивилизации являлись на свет, застывшие в камне, но во всем подобные живым. Археологические раскопки порождали готовые диаграммы, где время было видимым измерением.

Пласты времени, хотя и менее очевидные, любой человек мог увидеть всюду вокруг себя. Путешественники, проносящиеся мимо в железнодорожных поездах, влекомых силой пара, выглядывали в окно и видели древний ландшафт, где крестьянин пахал на волах, как в Средние века, где лошади тянули повозки и бороили поля, но небо уже рассекли на части

¹⁶ Сэмюэл Александер (1859–1938) – британский философ, представитель неореализма, один из создателей теории эмерджентной эволюции. *Прим. ред.*

¹⁷ Чарльз Лайель (1797–1875) – основоположник современной геологии, по определению энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, «один из самых выдающихся ученых XIX столетия». В 1848 г. был произведен в рыцари, в 1864-м – в баронеты. *Прим. ред.*

телеграфные провода. Это породило новую путаницу в мозгах и даже расстройство – назовем его темпоральным диссонансом.

В первую очередь текущее время стало необратимым, неотвратимым и неповторимым. Прогресс двигался вперед – это замечательно, если вы технический оптимист. Циклическое время, ветры времени, вечное возвращение, колесо жизни... Все это стало вдруг романтической чепухой, уделом поэтов и ностальгирующих философов.

Герберту, младшему сыну лавочника и бывшей горничной, повезло попасть в Учительскую школу, позже переименованную в Королевский колледж естественных наук. Подростком он три несчастных года провел учеником в мануфактурной лавке. Теперь же, в новом пятиэтажном здании колледжа, оборудованном лифтом, он изучал элементарную биологию под руководством («в тени») Томаса Гексли, знаменитого дарвиниста, – Уэллс считал его могучим поборником свободомыслия, который храбро сражается с церковниками и невеждами, устанавливает факты эволюции по коллекциям окаменелостей, собранным с великим трудом и тщанием, и эмбриологическим материалам, складывает «великую головоломку» и восстанавливает древо жизни. Это был самый информативный и познавательный год его жизни: «грамматическая верность формы и критическое отношение к факту». Физика была ему менее интересна, и позже он мало что помнил из этого курса, кроме собственной неловкости при попытке смастерить барометр из стеклянной трубки и случайных кусков латуни и дерева.

После окончания Учительской школы Уэллс некоторое время и правда зарабатывал на жизнь преподаванием, пока не «рухнул» (так он выразился) в литературную журналистику. На этом поприще нашлось применение тем высокопарным ученым рассуждениям, которые так нравились ему в Дискуссионном клубе. В эссе для *Fortnightly Review* под названием «Новое открытие единичного» (*The Rediscovery of the Unique*) он торжественно разбирал по косточкам «ряд сменяющих друг друга взглядов, которые мы называем ходом человеческой мысли». Его следующее эссе – «Жесткая Вселенная» (*The Universe Rigid*) – грозный редактор этого журнала Фрэнк Харрис объявил невразумительным, после чего вызвал 24-летнего автора к себе в кабинет и выбросил рукопись в корзину для бумаг. Описанная в эссе жесткая Вселенная, кстати, представляла собой конструктор из четырех измерений вроде каменного блока. Говорилось, что он не меняется со временем, потому что время у него внутри, оно встроено в него изначально.

Четырехмерная система отсчета неизбежно – можно сказать, с железной необходимостью – порождает жесткую Вселенную. В те дни для человека, верящего в законы физики – а студенты Учительской школы, безусловно, в них верили, – было очевидно, что будущее строго следует из прошлого. Уэллс предлагал разработать «универсальную диаграмму», по которой все явления можно будет вывести логически.

Начиналось все с однородно распределенного эфира в бесконечном пространстве тех дней, а затем с места сдвигалась какая-то одна частица. Если бы Вселенная была жесткой, и потому неизменной, характер мира в последующем полностью зависел бы, я утверждаю на строго материалистических основаниях, от скорости этого первоначального толчка.

А что потом? Хаос!

Возмущение распространялось бы во все стороны со всевозрастающей сложностью.

Эдгар Аллан По, которого тоже вдохновляли научные рассуждения, писал в 1845 г.: «Как мысль не может исчезнуть бесследно, так и каждое действие не может не иметь бесконечных последствий». В рассказе «Могущество слов» (*The Power of Words*), опубликованном в *Broadway Journal*, некие придуманные им ангелы объясняют:

Пошевелив рукою, когда ты был жителем Земли, ты возбуждал колебания в окружающем воздухе. Колебания распространялись и передавались каждой частице земной атмосферы, которая с тех пор и *навсегда* была приведена в движение единственным движением руки. Земным математикам хорошо известно это явление.

Реальным математиком, которого имел в виду По, был архиньютонианец Пьер-Симон маркиз де Лаплас, для которого прошлое и будущее были не чем иным, как физическими состояниями, жестко связанными с неумолимой механикой законов физики. Настоящее состояние Вселенной (писал он в 1814 г.) представляет собой «результат ее прошлого и причину ее будущего»¹⁸. Вот вам жесткая Вселенная:

Представим себе на мгновение ум, способный постигнуть все движущие силы природы и соответствующие им состояния живых существ, притом настолько огромный, что может анализировать всю эту информацию. Этому уму известна общая формула, описывающая движения самых крупных тел Вселенной и мельчайших частиц, и для него нет неопределенности ни в будущем, ни в прошлом¹⁹.

Некоторые и раньше верили в такой ум и называли его «Бог». Для Него не должно быть неопределенного или невидимого. Сомнение – для нас, смертных. Будущее, как и прошлое, должно быть открыто Его глазам. (Или нет? Может быть, Бога устраивает наблюдение за развитием его творения. Не исключено, что терпение входит в число божественных добродетелей.)

Этому высказыванию Лапласа суждена была более долгая жизнь, чем всем остальным его работам, вместе взятым. Оно то и дело всплывает в философствованиях следующих двух столетий. Всякий раз, когда начинается разговор о судьбе, свободе воли или детерминизме, маркиз тут как тут. Хорхе Луис Борхес упоминает его «фантазии»: «...Что нынешнее состояние Вселенной, в теории, сводится к формуле, из которой Некто мог бы вывести целиком будущее и прошлое».

Путешественник во Времени придумывает всезнающего наблюдателя:

Для какого-нибудь всезнающего наблюдателя не было бы забытого прошлого – не было бы ни одного отрезка времени, который выпал бы из реальности, – и не было бы неопределенного будущего, которое только еще предстоит узнать. Видя все настоящее, всезнающий наблюдатель точно так же видел бы все прошлое и все неизбежное будущее одновременно. В самом деле, настоящее и прошлое, и будущее не имели бы для такого наблюдателя смысла: он всегда видел бы в точности одно и то же. Он видел бы, что называется, жесткую Вселенную, заполняющую собой пространство и время, – Вселенную, в которой все всегда одинаково²⁰.

«Если бы “прошлое” означало что-нибудь, – заключает он, – оно означало бы взгляд в определенном направлении; тогда как “будущее” означало бы взгляд в противоположную сторону».

Жесткая Вселенная – это тюрьма. Только Путешественник во Времени может назвать себя свободным.

¹⁸ Такой подход известен как лапласовский детерминизм: зная начальные условия и законы изменения системы, можно определить ее состояние в любой момент. *Прим. науч. ред.*

¹⁹ Этот «ум» известен в научной среде как «демон Лапласа». *Прим. науч. ред.*

²⁰ Этот пассаж был в ранней версии романа, выходившей сериями в *New Review* (vol. 12, p. 100), но отсутствовал в окончательной редакции книги.

2. Конец века

Ваше тело движется всегда в настоящем, на грани между прошлым и будущим. Но ваш ум более свободен. Он может думать, и тогда он в настоящем. Он может вспоминать, и вот он уже в прошлом. Он может воображать, и вот он уже в будущем, в том из всех возможных вариантов будущего, какой ему больше нравится. Ваш ум может путешествовать сквозь время!
Эрик Фрэнк Рассел (1941)

Можете ли вы, читатель, человек XXI века, припомнить, когда вы впервые услышали о путешествиях во времени? Сомневаюсь. Сюжеты путешествий во времени можно встретить в популярных песнях, в телерекламе, на обоях, наконец. С утра до вечера герои детских мультфильмов и взрослых фэнтези-фильмов снова и снова изобретают машины времени, врата, двери и окна, не говоря уже о кораблях времени и специальных шкафах, автомобилях фирмы DeLorean и полицейских будках. Анимационные персонажи путешествуют во времени с 1925 г.: в мультфильме «Кот Феликс играет со временем»²¹ отец Время соглашается отправить несчастного Феликса назад в далекое время, населенное пещерными людьми и динозаврами. В 1944 г. в одном из эпизодов мультсериала «Веселые мелодии» Элмер Фадд²² во сне отправляется в будущее – «когда услышишь звук гонга, будет ровно 2000 год», – где газетный заголовок сообщает ему, что «на смену телевидению идет ароматовидение». К 1960 г. в мультсериале «Приключения Рокки и Бульвинкля» пес по имени Мистер Пибоди и усыновленный им мальчик Шерман²³ отправлялись при помощи машины WABAC в прошлое, чтобы разобраться с Вильгельмом Теллем и Бедовой Джейн, а в следующем году Дональд Дак совершил свое первое путешествие в доисторические времена, чтобы изобрести колесо. Появилась машина возврата – средство поиска пропавших страниц в интернете, – и вот герой комедийного сериала говорит: «Дейв, не связывайся с тем, кто управляет возвратной машиной. Я могу так ее настроить, что получится, что ты вообще не родился».

Дети с малолетства узнают о вихрях времени и камешках, позволяющих путешествовать во времени. Гомер Симпсон случайно превращает тостер в машину времени. Никакие объяснения уже не нужны. Мы переросли нужду в профессорских лекциях, где подробно рассказывалось бы о четвертом измерении. Что здесь непонятного?

В Китае Государственная администрация радио, кино и телевидения в 2011 г. выпустила официальное предупреждение и разоблачение путешествий во времени. Власти обеспокоены тем, что подобные выдумки вмешиваются в историю: «Они создают мифы, изобретают чудовищные и причудливые заговоры, пользуются абсурдной тактикой и даже пропагандируют феодализм, суеверия, фатализм и переселение душ». Глобальная культура тоже впитала в себя сюжеты и клише путешествий во времени. В фильме «Луковые новости»²⁴ фотография мужчины с электронной сигаретой футуристического вида становится

²¹ Felix the Cat Trifles with Time – мультипликационный фильм, главный герой которого – антропоморфный кот Феликс. Был создан в эпоху немого кино, пика популярности достиг в 1920-е гг. Авторство персонажа приписывается австралийскому мультипликатору и предпринимателю Пэту Салливану, хотя доподлинно это не установлено. *Прим. ред.*

²² Элмер Фадд – один из самых известных персонажей мультфильма «Веселые мелодии» (Looney tunes, 1936–1966), заклятый враг Багза Банни. По сюжету его цель – охота на Багза, но каждый раз она обычно заканчивается серьезными ранениями самого охотника или второстепенных героев. Отличительная черта Элмера – его специфическая и легкоузнаваемая манера разговора. Он картавит и известен своим необычным смехом. *Прим. ред.*

²³ The Adventures of Rocky and Bullwinkle – мультсериал, выходивший на канале NBC, а затем на ABC с 1959 по 1964 год, автор – Алекс Андерсон. *Прим. ред.*

²⁴ The Onion – фильм 2008 г. Снят в виде новостей, которые вещает компания The Onion. Каждая новость, показанная

поводом для статьи о путешествующем во времени солдате удачи с внеземной военной подготовкой. Чтобы узнать его историю, достаточно бросить один взгляд на этот портрет: «Судя по его холодности и спокойствию, а также по тому факту, что он вдыхает, кажется, электронный дым из какой-то блестящей черной мех-сигареты, я могу судить, что этот парень при- был сюда из далекого будущего, чтобы поймать какого-то опасного цифр-заключенного, – объясняет случайный зевака. – Представьте, сколько всего он знает о будущих событиях. Вероятно, он мог бы поделиться с нами информацией о множестве поразительных тайн, если бы мы осмелились спросить». Другие зевачи рассуждают, что его солнцезащитные очки скрывают продвинутую зрительную кибернетику и что он пересекает пространственно-временной континуум, вооруженный импульсным ружьем или генной пушкой. «Дальше зрители с растущей тревогой начали рассуждать о том, что само присутствие этого мужчины в баре может каким-то образом стать причиной какого-нибудь необратимого временного парадокса».

Но путешествия во времени принадлежат не только популярной культуре. Мем путешествия во времени вездесущ. Нейробиологи исследуют мысленные путешествия во времени, известные в более научнообразном варианте как хронестезия. Любая дискуссия о метафизике перемен и причинности редко обходится без обсуждения путешествий во времени и их парадоксов. Путешествия во времени проникают в философию и заражают современную физику.

Неужели мы потратили целое столетие на постройку яркого воздушного замка? Неужели утратили всякий контакт с простой истиной о времени? Или все наоборот: может быть, исчезли шоры, ограничивающие наш взгляд, и у нас наконец как у биологического вида развивается способность видеть прошлое и будущее в их настоящем виде и понимать их такими, какие они есть? Мы многое узнали о времени, и не только из научных источников.

Очень странно поэтому сознавать, что путешествиям во времени – самой концепции таких путешествий – едва исполнилось 100 лет. Термин этот впервые появился в английском языке в 1914 г.²⁵ – обратным словообразованием от уэллсовского «Путешественника во Времени». Человечество каким-то загадочным образом жило тысячи лет, не задаваясь вопросом: что, если бы я мог отправиться в будущее? Как выглядел бы мир? Что, если бы я мог отправиться в прошлое, – мог бы я изменить историю? Эти вопросы не возникали.

Сейчас «Машина времени» – одна из тех книг, которые каждый из нас, кажется, когда-то читал (и неважно, соответствует ли это действительности). Может быть, вы видели фильм 1960 г. с красавчиком Родом Тейлором в роли Путешественника во Времени (ему нужно было хоть какое-нибудь имя, поэтому его называли Джорджем). Машина там никому бы не напомнила велосипед. Босли Кроутер²⁶ в *New York Times* назвал эту машину времени «архаичным вариантом летающей тарелки». Мне она напоминает какие-то санки в стиле рококо с красным плюшевым креслом. И судя по всему, не только мне. «Всякий знает, как выглядит машина времени, – пишет физик Шон Кэрролл. – Это что-то похожее на салазки в стиле стимпанк с красным бархатным креслом, вспыхивающими огнями и гигантским вращающимся колесом сзади». В фильме присутствует также возлюбленная Путешественника во Времени – Уина, вялая крашенная блондинка из 802701 г., которую играла Иветт Мимо.

в юмористическом ключе, посвящена какой-нибудь проблеме американской культуры и общества. *Прим. ред.*

²⁵ Если верить *Oxford English Dictionary*. Но вот один предшественник: в 1866 г. английский автор путевых записок, завершая путешествие по железной дороге через Трансильванию, рассуждал в *Cornhill Magazine*: «Очарование путешествия достигло бы совершенства, если бы мы могли путешествовать во времени так же, как в пространстве... провести две недели в XV столетии или, еще приятнее, перепрыгнуть в XXI век. Этого можно в большей или меньшей степени добиться в воображении».

²⁶ Босли Кроутер (1905–1981) – американский кинокритик. *Прим. ред.*

Джордж спрашивает Уину, часто ли люди ее времени думают о прошлом. «Никакого прошлого нет», – отвечает та без видимой убежденности. Думают ли они о будущем? «Никакого будущего нет». Ну хорошо, она живет в настоящем. Кстати говоря, огонь к тому времени полностью забыт, но у Джорджа, к счастью, есть спички. «Я всего лишь механик-любитель», – скромно говорит он, но ему явно хочется немного просветить свою пассивность.

Кстати говоря, когда Уэллс писал свою фантастику, технология кино едва-едва маячила на горизонте, и он взял ее на заметку. (Велосипед не был единственным образцом современной техники, которым вдохновлялся писатель.) В 1879 г. пионер покадровой фотосъемки Эдвард Мейбридж изобрел устройство – он назвал его зоопраксископом – для проецирования последовательных изображений, способных дать иллюзию движения. Эти изображения выявили новый, прежде невиданный аспект времени. Начинание подхватил и Томас Эдисон со своим кинетоскопом. Во Франции он встретился с Этьен-Жюлем Маре, создававшим в то время хронофотографию. Вскоре за ними последовали Луи и Огюст Люмьеры со своим синематографом. К 1894 г. Лондон уже развлекал толпы народа в первом салоне с кинетоскопом на Оксфорд-стрит; Париж тоже обзавелся таким салоном. Так что когда Путешественник во Времени начал свои странствия, проходили они так:

Я повернул рычаг до отказа. Сразу наступила темнота, как будто потушили лампу, но в следующее же мгновение вновь стало светло. Я неясно различал лабораторию, которая становилась все более и более туманной. Вдруг наступила ночь, затем снова день, снова ночь и так далее, все быстрее. У меня шумело в ушах, и странное ощущение падения стало сильнее. <...> Мгновенная смена темноты и света была нестерпима для глаз. В секунды потемнения я видел луну, которая быстро пробегала по небу, меняя свои фазы от новолуния до полнолуния, видел слабое мерцание кружившихся звезд. Я продолжал мчаться так со все возрастающей скоростью, день и ночь слились наконец в сплошную серую пелену²⁷.

Так или иначе, изобретения Герберта Уэллса украшают все без исключения последующие истории про путешествия во времени. Описывая такое путешествие, автор либо отдает долг «Машине времени», либо шарахается даже от ее тени. Уильям Гибсон²⁸, попытавшийся в ХХI веке заново, в который уже раз, изобрести путешествия во времени, познакомился с творением Уэллса еще в детстве, в сборнике комиксов «Иллюстрированная классика» за 15 центов; к тому моменту, когда он посмотрел кино, он уже считал машину времени своей собственностью, «частью растущей личной коллекции альтернативных Вселенных»:

Я тогда воображал ее себе как какое-то невысказанно сложное механическое устройство, которое я даже представить себе никогда не смогу в действии... Я подозревал, не признаваясь в этом даже себе, что путешествие во времени – это, возможно, волшебство того же порядка, что и способность укунить себя за локоть (что когда-то, в самом начале, казалось мне вполне возможным).

На 77-м году жизни Уэллс попытался вспомнить, как зародилась у него эта идея, – и не смог этого сделать. Вот если бы можно было перенести сознание на машину времени в те годы... Он и сам сформулировал это почти так же. Его мозг застрял в его эпохе. Необходимо было вспомнить инструмент, без которого вспоминать не получалось. «Я пытался на

²⁷ Здесь и далее «Машина времени» Г. Уэллса цитируется в переводе К. Морозовой. *Прим. ред.*

²⁸ Уильям Форд Гибсон (р. 1948) – американский писатель-фантаст, считается основателем стиля киберпанк, определившего жанровое лицо литературы 1980-х. Лауреат премий «Хьюго» и «Небьюла», а также премии Филипа К. Дика. *Прим. ред.*

протяжении целого дня или даже двух восстановить состояние своего мозга, каким он был году в 1878-м или 1879-м... Невозможно распутать... Старые идеи и впечатления уже приведены в соответствие с новым материалом, уже использованы для создания нового оборудования». И все же, если можно сказать, что какая-то история сама просилась на свет, то это была «Машина времени».

Она стекала с кончика его пера несколько лет, иногда каплями, иногда целыми потоками. Ее первым воплощением стала фантастическая повесть «Аргонавты Времени», вышедшая в трех частях в *Science Schools Journal* – периодическом издании, которое основал сам Уэллс в Учительской школе. Он выбрасывал эту повесть и переписывал ее заново по крайней мере дважды. Уцелели небольшие отрывки ранних вариантов: «Представьте себе, как я, Путешественник во Времени, первооткрыватель Будущности (будущности – ни много ни мало!), вцепился без памяти в свою машину времени. Лицо мое было залито слезами, я захлебывался от рыданий и ужасно боялся, что никогда больше не увижу людей».

В 1894 г. автор оживил «старый труп», которым уже казалась та повесть, и выпустил в журнале *National Observer* серию анонимных рассказов, а затем подготовил почти окончательный вариант, получивший наконец название «Машина времени», для сериальной публикации в *New Review*. Героя там звали доктор Моисей Небогипфель, Ph.D., F.R.S, N.W.R., PAID, и был он «невысокого роста, тощий, с нездоровым цветом лица... прямой нос, тонкие губы, высокие скулы и острый подбородок... его чрезвычайная худоба... большие ищущие серые глаза... феноменально широкий и высокий лоб». Позже Небогипфель превратился в Философа-изобретателя, а затем в Путешественника во Времени. Но при этом образ его не развивался, а тускнел. Он лишился не только почетных степеней и званий, но даже имени. С него слетели все яркие краски, и остался незаметный, ничем не примечательный человек, полупрозрачный дух.

Естественно, Берти казалось, что это он стремится к чему-то и пытается чего-то достичь: учиться ремеслу, расправляется с черновиками, заново обдумывает и переписывает текст по ночам при свете парафиновой лампы. Конечно, он трудился. Но давайте лучше скажем, что здесь ведущую роль играла сама история, сам сюжет. Пришло время для путешествий во времени. Дональд Бартелм²⁹ предлагает рассматривать писателя как «способ произведения быть написанным, как своего рода молниеотвод для скопившихся атмосферных возмущений, как какого-то св. Себастьяна, принимающего в свою истерзанную грудь стрелы актуальности». Возможно, это звучит как мистическая метафора или проявление ложной скромности, но многие писатели говорят о чем-то подобном, и, кажется, говорят всерьез. Энн Битти утверждает, что Бартелм выдает профессиональный секрет:

Писатели не рассказывают неписателям, как их настигает удар молнии, не говорят о том, что они служат проводниками, что они уязвимы. Иногда, правда, они говорят об этом между собой – о том, как книга пишет себя сама. Я считаю, что это поразительная концепция, которая не только приписывает словам (книге) сознание и тело, но и дает им власть преследовать человека (писателя). Сюжеты это умеют.

Сюжеты как паразиты в поисках хозяина, или, иными словами, мемы. Стрелы актуальности.

«Литература – это откровение, – говорил Уэллс. – Современная литература – это некрасивое откровение».

Для Уэллса объектом интереса, граничащего с одержимостью, было будущее – это туманное, недостижимое место. «Так что с каким-то безумием, все сильнее охватывавшим

²⁹ Дональд Бартелм (1931–1989) – американский писатель-постмодернист, известный своими короткими рассказами.

меня, я бросился в будущее», – говорит Путешественник во Времени. Большинство людей, писал Уэллс, – «преобладающий тип, тип большинства живущих людей» – никогда не думают о будущем. Или, если думают, то видят его «как некое пустое небытие, на котором надвигающееся настоящее в надлежащий момент напишет события». (За знаком знак чертит бессмертный рок перстом своим³⁰.) Более современный тип человека – «креативный, организующий или властный тип» – видит в будущем главную причину существования: «Произошли события, говорит юрист, поэтому мы здесь. Творческий человек говорит: мы здесь, потому что предстоят события». Уэллс, конечно, надеялся воплотить в себе этот творческий тип, всегда смотрящий вперед. И чем дальше, тем больше у него становилось единомышленников.

В минувшие времена людей практически никогда – разве что очень-очень редко, промельком, – не посещали мысли о визитах что в будущее, что в прошлое. Эта мысль просто не приходила в голову, поскольку была слишком далека от повседневной жизни. Даже путешествия в пространстве были по современным нормам делом нечастым и – до появления железных дорог – медленным.

Если поднапрячься, можно все же отыскать несколько спорных примеров ранних путешествий во времени, описанных еще до появления этого понятия. В древнеиндийском эпосе «Махабхарата» Какудми поднимается на небеса, чтобы встретиться с Брахмой, и обнаруживает по возвращении, что прошло много времени и все, кого он знал, умерли. Аналогичная судьба выпадает на долю древнего японского рыбака Урасимы Таро³¹, который, отправившись в далекое путешествие, перепрыгнул, сам того не желая, в будущее. Так же и Рип ван Винкль³²: можно сказать, что он, заснув, совершил путешествие во времени. Встречались также путешествия во времени во сне при помощи галлюциногенов или гипноза. В литературе XIX века имеется один пример путешествия во времени с помощью послания в бутылке. Его автор – не кто иной, как По, описавший «странного вида рукопись», которую он обнаружил «в плотно закупоренной бутылке», плавающей в придуманном море, и подписанную датой: «На борту воздушного шара “Жаворонок”, 1 апреля 2848 г.».

Поклонники прошерстили все чердаки и подвалы литературной истории в поисках других примеров – предшественников путешествий во времени. В 1733 г. ирландский священник Сэмюел Мэдден издал книгу под названием *Memoirs of the Twentieth Century* («Мемуары о XX столетии») – антикатолическую критику в форме писем от британских чиновников, живущих 200 лет спустя. XX век в воображении Мэддена напоминает его собственное время во всех отношениях, за исключением того, что власть в мире принадлежит иезуитам. Книга была нечитаема даже в 1733 г. Мэдден сам уничтожил почти все экземпляры тысячного тиража, уцелело лишь несколько из них. Напротив, утопическое произведение под названием «Год две тысячи четыреста сороковой. Сон, которого, возможно, и не было» (*L'an deux mille quatre cent quarante: rêve s'il en fût jamais*) стало в предреволюционной Франции сенсационным бестселлером. Эту утопическую фантазию опубликовал в 1771 г. Луи-Себастьян Мерсье под сильным влиянием модного в то время философа Руссо³³. (Историк Роберт Дарнтон помещает Мерсье в категорию *Rousseau du guisneau*, или «бульварных Руссо».) Герою-рассказчику в произведении Мерсье снится, что он просыпается после долгого сна и обнаруживает у себя на лице морщины и большой нос. Ему 700 лет, и его ожидает

³⁰ Омар Хайям. Перевод О. Румера.

³¹ Вымышленный персонаж – главный герой японской легенды о молодом рыбаке, спасшем черепаху. *Прим. ред.*

³² Герой одноименного рассказа В. Ирвинга – житель деревушки близ Нью-Йорка, проспавший 20 лет в Катскильских горах и спустившийся оттуда, когда все его знакомые умерли. Этот персонаж стал символом человека, полностью отставшего от времени и даром пропустившего свою жизнь. *Прим. ред.*

³³ Жан-Жак Руссо часто говорил и писал о правильном устройстве государства, что и подтолкнуло к идее описания будущего. *Прим. науч. ред.*

знакомство с Парижем будущего. Что здесь нового? Изменилась мода – все носят свободные одежды, удобные туфли и странного вида шляпы. Общественные нравы тоже изменились. От тюрем и налогов давно отказались. Общество осуждает проституток и монахов. Бал правят равенство и разум. А главное, как указывает Дарнтон, «сообщество граждан» ликвидировало деспотизм. «Воображая будущее, – пишет историк, – читатель мог видеть также, как будет выглядеть настоящее, когда станет прошлым». Но Мерсье, веривший, что Земля плоская, а Солнце вращается вокруг нее, описывал не столько 2440-й, сколько 1789 г. Когда пришла революция, он объявил себя ее пророком.

Еще одно представление о будущем, тоже по-своему утопическое, появилось в 1892 г. – книга под названием *Golf in the Year 2000; or, What Are We Coming To* («Гольф в 2000 г., или К чему мы идем») шотландского гольфиста Дж. Маккаллоу (его имя затерялось в тумане времени). История начинается с того, что рассказчик после неудачной игры и большого количества теплого виски впадает в транс, а просыпается с длинной бородой. Какой-то человек мрачно сообщает ему текущую дату. «Сегодня, – и он сверился с карманным календарем, – 25 марта 2000 года». Да, к 2000 г. дело дошло до карманных календарей и электрических лампочек. Однако в некоторых отношениях, как обнаружил гольфист из 1892 г., мир все же шагнул вперед. В 2000 г. женщины одеваются как мужчины и делают всю работу, а мужчины свободны и могут ежедневно играть в гольф.

Путешествие сквозь время посредством гистерии – долгого сна – послужило и Вашингтону Ирвингу в его рассказе «Рип ван Винкль», и Вуди Аллену в его фильме 1973 г. «Спящий»³⁴ на близкий сюжет. Герой Вуди Аллена – тот же Рип ван Винкль со вполне современным набором неврозов: «Я не был у психоаналитика две сотни лет. Он был верным последователем Фрейда. Если бы все это время я продолжал у него лечиться, то сейчас, наверное, почти вылечился бы уже». Как по-вашему, это прекрасный сон или кошмар, если вы открываете глаза и выясняете, что все ваши современники уже умерли?

Сам Уэллс избавился от всякой машинерии в романе 1910 г. «Когда спящий проснется», который стал также первым фантастическим произведением о путешествиях во времени, где рассказывалось о прелестях сложного банковского процента и вековых накоплений. В любом случае перемещаться в будущее во сне мы все умеем и делаем это каждую ночь. По мнению Марселя Пруста, который был на пять лет моложе Уэллса и жил от него в 200 милях, ни одно место не обостряет восприятие времени сильнее, чем спальня. Спящий освобождается из-под власти времени, он плавает вне времени и дрейфует между озарением и растерянностью:

Спящий удерживает вокруг себя последовательность часов, порядок лет и миров. Он сверяется с ними инстинктивно при пробуждении и считывает в секунду место на земле, которое занимает, и время, прошедшее до его пробуждения. Но их ряды могут смешаться, спутаться... В первую минуту своего бодрствования он уже не будет знать, сколько сейчас времени, а будет думать, что только что лег... Затем путаница среди беспорядочно смешавшихся миров станет полной, и волшебное кресло отправит его полным ходом в путешествие сквозь время и пространство.

О путешествии здесь говорится метафорически. В конце концов, спящий протрет глаза и вернется в настоящее.

Машины совершеннее волшебных кресел и умеют больше. В последние годы XIX века новые технологии активно входили в культуру и оставляли на ней свой отпечаток. Новые отрасли производства пробуждали любопытство не только о будущем, но и о прошлом. Так

³⁴ *Sleeper* – фантастическая кинокомедия Вуди Аллена. Главные роли исполнили сам Аллен и Дайан Китон. Американским институтом киноискусства признана одной из величайших кинокомедий в истории.

что Марк Твен в 1889 г. придумал собственный вариант путешествия во времени, перенесся янки из Коннектикута в средневековое прошлое. Твен не утруждал себя научными объяснениями, но сопровождал все же свой рассказ парой высокопарных фраз: «Вы, конечно, слышали о переселении душ. А вот случалось ли вам слышать о перенесении тел из одной эпохи в другую?» Для «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» средством перемещения во времени служит удар по голове: Хэнк Морган, янки, получает по голове ломом и просыпается на зеленеющем поле. Перед ним стоит рыцарь в латах на лошади в яркой красно-зеленой попоне (лошадь, конечно же), напоминающей покрывало. Насколько далеко во времени его занесло, янки из Коннектикута выясняет в ходе следующего классического диалога:

- Это Бриджпорт? – сказал я, указывая на город.
- Камелот, – ответил он.

Хэнк – инженер на фабрике. Это важно. Он мастер на все руки и технофил, хорошо знакомый с новейшими изобретениями: взрывчаткой и переговорными трубами, телеграфом и телефоном. Автор, кстати, тоже был со всем этим знаком. Сэмюэл Клеменс установил в своем доме телефон Александра Грэма Белла в 1876-м – в том самом году, когда на него был выпущен патент, и на два года раньше, чем приобрел необычайную машину для механического письма – пишущую машинку Remington. «Я первым в мире применил печатную машинку в литературе», – хвастался он. Да, XIX век видел немало чудес.

Век пара и машин был в самом разгаре, мир стремительно сжимался в сетях железных дорог, электрическое освещение превращало ночь в нескончаемый день, а электрический телеграф уничтожал время и пространство (по крайней мере, так писали в газетах). Это и было истинной темой твеновского «Янки»: контраст между современной техникой и прежней аграрной жизнью. Их столкновение одновременно комично и трагично. Благодаря знакомству с астрономией янки обретает ореол колдуна. (При этом номинальный волшебник Мерлин разоблачается как шарлатан.) Зеркала, мыло и спички внушают благоговейный трепет. «Темная страна и не подозревала, что я насадил цивилизацию XIX века под самым ее носом!» – говорит Хэнк. Изобретением, достойно увенчавшим его триумф, стал порох.

Какое волшебство может принести с собой XX век? Насколько средневековыми, возможно, покажемся мы сами этим гордым гражданам будущего? Столетием раньше год 1800-й миновал без особых фанфар; никто не подозревал тогда, насколько иным может оказаться год 1900-й³⁵. В целом осознание времени было смутным, по нашим хитроумным меркам. Нет никаких записей о праздновании «столетия» чего бы то ни было до 1876 г. (Лондонская газета *Daily News* сообщила: «Америка в последнее время сильно “остолетнилась” – такое слово вошло в оборот только в этом году, после великого празднования. Столетний юбилей отмечался по всем штатам».) Выражения «рубеж столетий» не существовало до XX века. Теперь же, наконец, будущее становилось объектом интереса.

Нью-йоркский промышленник Джон Джейкоб Астор IV за шесть лет до наступления нового века опубликовал роман о будущем под названием «Путешествие в иные миры» (*A Journey in Other Worlds*). В нем он предсказывает к 2000 г. множество всевозможных технических новинок. Электричество, предсказывал он, заменит животных во всех средствах передвижения. Велосипеды будут оборудованы мощными батареями. Громадные высокоскоростные электрические фаэтоны станут бороздить земной шар, развивая такие высокие скорости, как 35–40 миль в час по сельским дорогам и более 40 по городским ули-

³⁵ Разумеется, век заканчивался только по христианскому календарю, но даже с учетом этого в 1800 г. согласие едва сохранялось. Франция, все еще в судорогах революции, жила по новому, собственному календарю – *Le calendrier républicain français*, так что год у них шел только девятый. Или десятый. Республиканский год содержал аккуратные 360 дней, объединенные в месяцы с новыми названиями от вандемьера до фрюктидора. Вскоре Наполеон отменил эти нововведения, но лишь после того, как короновался в качестве императора 11 фримера 13 г. по французскому республиканскому календарю, или 2 декабря 1804 г. по календарю общепринятому.

цам. Мостовые для таких тяжелых и быстрых повозок начнут покрывать полудюймовыми листами стали поверх асфальта («хотя лошадиные копыта, возможно, скользили бы на таком покрытии, нашим колесам оно нисколько не мешает»). Очень продвинется фотография, уже не ограниченная черно-белой гаммой: «Сейчас несложно в точности воспроизвести цвета снятого объекта».

В 2000 г., по Астору, телефонные провода плотно опутают планету, их проложат под землей, чтобы никто никому не мешал, а по телефону можно будет видеть лицо говорящего. Вызывание дождя станет «абсолютно научным делом»: облака будут изготавливать при помощи взрывов в верхних слоях атмосферы. Люди научатся путешествовать сквозь пространство и смогут посещать планеты Юпитер и Сатурн благодаря новооткрытой антигравитационной силе под названием «апергия», «существование которой древние подозревали, но о которой так мало знали». Интересно? Обозревателю New York Times все это показалось «ужасно монотонным»: «Это роман о будущем, но он скучен, как роман о Средних веках». Астору не повезло еще в одном: он утонул вместе с «Титаником».

Как изображение идеализированного мира, своего рода утопия, книга Астора многим обязана книге Эдварда Беллами «Взгляд назад» (Looking Backward) – американскому бестселлеру 1887 г., действие которого тоже происходит в 2000 г. (Опять путешествие во времени при помощи долгого сна: герой впадает в транс на 113 лет.) Беллами жаловался на невозможность заглянуть в будущее. В рассказе «Мир слепца» (The Blindman's World) он представил, что мы, земляне, единственные из всех разумных созданий Вселенной лишены способности предвидения, как если бы глаза у нас были только на затылках. «Ваше незнание времени собственной смерти представляется нам одной из самых печальных особенностей вашего состояния», – говорит загадочный гость. «Взгляд назад» породил целую волну утопий, за которой последовала волна антиутопий, и все они так футуристичны, что мы иногда забываем, что в оригинальной «Утопии» Томаса Мора действие происходило вовсе не в будущем – утопия была всего лишь далеким островом.

В 1516 г. никто не стал бы возиться с будущим. Оно было неотличимо от настоящего. А вот моряки тогда открывали далекие места и странные народы, поэтому отдаленное *место* прекрасно подходило для воплощения любой, самой живой фантазии автора. Лемюэль Гулливер не путешествовал во времени. Ему достаточно было посетить «Лапуту, Бальнибарби, Лагтнегг, Глаббоддриб и Японию». Уильям Шекспир, воображение которого, кажется, не имело границ и который свободно путешествовал по волшебным островам и зачарованным лесам, ни разу не придумал другое *время* – да и не мог этого сделать. Прошлое и настоящее для него – одно: механические часы у него отбивают время в Риме времен Цезаря, а Клеопатра играет на бильярде. Его поразили бы сценические путешествия во времени, как у Тома Стоппарда в «Аркадии» и «Индийской туши»: представление в одном спектакле нескольких сюжетов, которые разворачиваются в разные эпохи, разделенные несколькими десятилетиями.

«Об этом стоит кое-что сказать, – пишет Стоппард в авторских заметках к «Аркадии». – Действие пьесы перемещается между началом XIX века и настоящим временем, но происходит при этом в одной и той же комнате». Декорации в комнате перемещаются – книги, цветы, кружка с чаем, масляная лампа как будто проходят сквозь столетия при помощи невидимого портала. К концу пьесы все они собираются на столе: *геометрические тела, компьютер, графин, стаканы, кружка с чаем, научные книги Ханна, книги Септимуса, два портфолио, подсвечник Томасины, масляная лампа, маргаритка, воскресные газеты...* У Стоппарда все эти предметы на сцене – путешественники во времени.

Мы наработали себе чувство времени, которого не доставало нашим предкам. Как говорится, давно пора. 1900 г. принес с собой взрыв интереса к временам и датам. XX век вставал над миром, как новое солнце. «Прежде из чрева времени не появлялось столетия, чье прибли-

жение внушало бы такие высокие ожидания, такую всеобщую надежду, как то, что вместе с полночной литанией и светскими празднествами придет к нам всего через восемь дней», – писал автор редакционной колонки в Philadelphia Press. New York Morning Journal, принадлежавший Херсту, объявил себя «газетой двадцатого столетия». Нью-Йорк украсил Сити-Холл двумя тысячами красных, белых и голубых электрических лампочек, и председатель городского совета обратился к толпе: «Сегодня, когда часы пробьют двенадцать, нынешнее столетие подойдет к концу. Мы оглядываемся на него как на период, достижения науки и цивилизации которого нельзя охарактеризовать иначе, чем чудесные». В Лондоне Fortnightly Review предложил успевшему уже прославиться футуристу Герберту Уэллсу, которому тогда был 31 год, написать серию пророческих эссе: «Рассказ о том, как скажется механический и научный прогресс на человеческой жизни и мысли». В Париже рубеж веков называли *fin de siècle*, с ударением на *fin*, то есть «конец»: декаданс и упадочнические настроения были в полном разгаре. Однако, когда время пришло, французы тоже с надеждой взглянули в будущее.

Английский писатель не мог надеяться на международное литературное признание, до тех пор пока он не опубликовался во Франции, и Уэллсу не пришлось долго ждать. «Машину времени» перевел Анри Даврэ, узнавший в авторе наследника знаменитого мечтателя Жюль Верна, и почтенное издательство Mercure de France издало роман в 1898 г. под заголовком, который, правда, в переводе слегка изменил смысл: *La machine à explorer le temps*³⁶. Естественно, авангардисты обожали идею путешествий во времени: вперед! Альфред Жарри – драматург-символист и большой озорник, а также энтузиаст велосипеда, пользовавшийся псевдонимом Доктор Фаустролл, – немедленно сострепал шутивную инструкцию под названием «Комментарий по практическому строительству и обслуживанию машины для исследования времени». Машина времени Жарри – это велосипед с рамой из слоновой кости и тремя гиростатами с быстро вращающимися маховиками, цепными передачами и храповиками. Рычаг с рукояткой из слоновой кости регулирует скорость. А дальше идет наукообразная чепуха: «Следует отметить, что у машины два прошлого: прошлое, предшествующее нашему настоящему, которое мы называем реальным прошлым; и прошлое, создаваемое машиной, когда она возвращается в наше настоящее, и которое, по существу, есть обратимость будущего». Разумеется, время там – четвертое измерение³⁷. Позже Жарри сказал, что восхищался уэллсовским «завидным хладнокровием», позволившим сделать *его* наукообразные разглагольствования такими убедительными.

Fin de siècle был уже совсем близко. Готовясь к празднованиям встречи 1900 г. в Лионе, производитель игрушек Арман Жерве, любивший всевозможные новшества и автоматы, заказал свободному художнику по имени Жан-Марк Коте набор из 50 гравюр, изображающих тот мир чудес, который мог бы существовать *en l'an 2000* – в 2000 г.: люди занимаются спортом на собственных крохотных самолетиках, воюют на дирижаблях, играют в подводный крокет на дне моря. Может быть, лучшая из них изображает классную комнату, где дети в бриджах по колено сидят, сложив руки, за деревянными партами, а их учитель скармливает книги какой-то перемалывающей машине, которая приводится в движение вручную. Очевидно, книги в машине перемалываются в массу чистой информации, которая затем пере-

³⁶ Очевидно, его непросто было перевести. Журнал Current Literature в Нью-Йорке сообщал в 1899 г.: «Mercure de France планирует начать издание перевода “Машины времени” мистера Уэллса. Переводчик находит название романа трудным для передачи на французском языке. Среди возможных вариантов предлагаются Le Chronomoteur, Le Chrono Mobile, Quarante Siècles à l'heure и La Machine à Explorer le Temps...»

³⁷ Жарри объясняет: «Настоящего не существует, это крохотная доля явления, уступающая по размеру атому. Известно, что физически размер атома составляет $1,5 \times 10^{-8}$ сантиметров в диаметре. Никто пока еще не измерил ту долю солнечной секунды, которая равна настоящему».

дается по проводам вверх, по стене и потолку, а затем поступает в своего рода наушники, надетые на головы учеников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.